

СТАТЬИ

КОНСТРУКЦИИ ПРИЧИНЫ С КАК(О) В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

И.М. Кобозева

МГУ им. М.В. Ломоносова, Междисциплинарная научно-образовательная школа МГУ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» / Институт языкознания РАН, Россия, Москва; kobozeva@list.ru

Н.В. Сердобольская

Институт языкознания РАН, Россия, Москва; serdobolskaya@gmail.com

Аннотация: В работе рассматривается развитие значения причины у союза *како, какъ* в ходе эволюции русского языка. Мы утверждаем, что причинный союз *како/какъ* развился из вопросительного наречия *како/какъ* со значением причины, которое, в свою очередь, возникло из значения способа (= образа действия) в результате концептуальной метафоры: причина события — это способ, которым оно было вызвано. Отдельно анализируются финитные конструкции с *как(о)* и малые клаузы (приложения). Мы показываем, что *как(о)* употребляется в функции союза со значением причины еще в ранних документах начиная с XII в.; до XVIII в. он вводит зависимые финитные клаузы причины с коррелятом в главной клаузе или без него. В XVIII в. конструкции без коррелята теряют употребительность; выбор коррелятов достаточно широк и включает как однословные дейктики (*то, так*), так и сочетания слов (*по тому, по сему*) и наречия (*следовательно*). В XIX в. данные конструкции теряют употребительность и утрачиваются в начале XX в. Причинно-ролевая конструкция с синтаксической структурой «как + малая клауза» имеет другую историю. По-видимому, она является результатом экспансии *как(о)* на контексты, которые в XI–XVII вв. обслуживались союзом *аки/акы*, в ходе развития у *как(о)* употребления с именными группами. Рост числа причинно-ролевых конструкций с *как(о)* наблюдается в XVIII в., параллельно с постепенной утратой *аки*.

Ключевые слова: союзы; образ действия; причина; сложноподчиненное предложение; обстоятельственные предложения; грамматикализация; история языка; русский язык

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-1

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00528.

¹ Авторы глубоко признательны А.В. Птенцовой за ценные комментарии и примеры. Мы приносим благодарность участникам конференций *Causal Constructions in the World's Languages* (28–30 января 2021 г.) и «Виноградовские чтения» (20 января 2021 г.) за замечания и обсуждение.

Для цитирования: Кобозева И.М., Сердобольская Н.В. Конструкции причины с как(о) в истории русского языка // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 2. С. 9–29.

CAUSAL ADVERBIAL CLAUSES WITH KAK(O) IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Kobozeva I.M.

Lomonosov Moscow State University, Interdisciplinary Scientific and Educational School "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage" / The Institute of Linguistics RAS, Russia, Moscow; kobozeva@list.ru

Serdobolskaya N.V.

The Institute of Linguistics RAS, Russia, Moscow; serdobolskaya@gmail.com

Abstract: The work is aimed at describing the steps of evolution of causal meaning of the Russian subordinator *како/какъ*. We claim that the causal use of *како/какъ* goes back to the question word *како/какъ* that could have a causal meaning as well, and this meaning raised from the manner meaning due to the metaphorical shift from manner to cause. We analyze finite clauses with *како* and small clauses (appositions) separately. It is shown that *како* was used as a causal subordinator already in the early documents of the 12th century. Up to the 18th century it introduced embedded finite clauses with or without a correlate in the matrix clause. In the 18th century the constructions without a correlate decrease in frequency; the choice of correlates is very broad and includes both one-word deictics such as *то* and *так* and combinations such as *по тому, по сему*, adverbs such as *следовательно*. In the 19th century these constructions gradually decrease in use and in the beginning of the 20th century they are completely lost. The causal construction with a small clause has another origin. We suggest that it is a result of an expansion of *како* onto the contexts of the conjunction *аки/акы*. The increase of frequency of causal small clauses with *како* is observed in parallel with the gradual decrease of *аки*.

Key words: syntax; subordination; manner; cause; adverbial clauses; Russian; history of Russian language, grammaticalization

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation grant № 22-18-00528

For citation: Kobozeva I.M., Serdobolskaya N.V. (2023) Causal Adverbial Clauses with *kak(o)* in the History of the Russian Language. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 9–29.

1. Введение

Принято считать, что развитие системы союзов в целом и подчинительных союзов в частности в русском языке шло по линии

уточнения их функций (см., напр., [Якубинский 1953: 266; Булаховский 1958: 398–399]), то есть уменьшения количества многозначных союзов в связи с ростом количества однозначных союзов. Для союзов причины общая картина очерчена в исторических грамматиках [Ломтев 1956; Борковский 1958; Стеценко 1972; Руднев 2020].

Не оспаривая этого положения, мы хотим на примере причинного значения многозначного союза *как* показать, что процесс снижения индекса полисемичности союзов не был прямолинейным. Действительно, некоторые из многозначных союзов, выражавших среди прочих причинное значение, в какой-то момент ушли из употребления (*яко*). Но другие, для которых первоначально причинное значение было нехарактерно (*како/какъ*; далее: *како*), в некоторый период начинают активно употребляться в этом значении, притом что параллельно с ними функционируют однозначные причинные союзы (*понеже, занеже, потому что* и т. п.). В частности, В.В. Виноградов и Н.Ю. Шведова [1964: 183] отмечают, что конструкция «а (*но, и*) + *как* + коррелят» активно употребляется до 60-х гг. XIX в.:

- (1) *И как ветер крепко дул с берега, то Белозор велел отрубить канат.*
[Марл., Лейт. Белозор, IX. Цит. по: Виноградов, Шведова 1964: 183]

Представляется, что именно широкое употребление *како* в причинном значении послужило основой формирования составного причинного союза *так как*. В силу этого *так как* затрагивается в настоящей работе; уточним, однако, что данный союз требует отдельного исследования. Известно, что этот союз — инновация языка официально-деловой прозы конца XVIII в., вошедшая в литературный язык не ранее 40–50-х гг. XIX в. [Виноградов 1947: 719]. При этом союз *как* сохранил причинное значение по сей день, хотя и в ограниченном круге синтаксических контекстов и функциональных стилей. Так, значение причины присутствует в обособленных союзных оборотах *как* + ИГ:

- (2) *Солдатские жены... стали просить его, как грамотея, писать за них письма к родственникам.* [НКРЯ: П.А. Вяземский. 1830–1870]

При отсутствии обособления общее значение союзного оборота *как* + ИГ описывается как ‘в качестве’ [РГ: 176] и / или ‘в роли’, ‘в функции’ (см. [Прияткина 1957] и приведенные в этой статье ссылки). А.Ф. Прияткина выделила в рамках значения ‘в качестве’ два подзначения: 1) определение предмета по функции (*Он был вызван в суд как свидетель*); 2) определение предмета по сущности (*Многие выступления выглядят как самоотчеты*) [Прияткина 1957]. В написанном ею же разделе РГ семантика данного союзного оборота

при обособлении характеризуется как сочетание значений сущности и причины [РГ: 176]; «обособленное приложение... с дополнительным значением причинности» в [Розенталь 1970: 96]. Мы далее будем называть такое употребление *как(о)* причинно-ролевым, в отличие от собственно ролевого, не имеющего оттенка причины, ср. *Во Франции Лагарп, как критик, устарел, но Курс литературы его... не совершенно утратил свое значение...* [НКРЯ: П.А. Вяземский. Старая записная книжка. 1830–1870] — устарел в качестве критика, а не по той причине, что он является критиком.

Заметим, что в современном кодифицированном литературном языке союз *как* выражает причинно-ролевое значение только в составе союзного оборота (“малой клаузы” в терминах формального синтаксиса) и не допускает его развертывания в придаточную клаузу, в то время как в просторечии или стилизации под него такие *как*-придаточные встречаются:

- (3) *А как ты есть непризывной и лезешь сдуру добровольцем, то никто не всмотрится в цифры...* [А. Азольский, 2002]

В древнерусском языке союз *яко*, книжный эквивалент союза *како*, мог, помимо прочего, вводить причинные придаточные [Истрина 1923: 186–188; Ломтев 1956: 513]. Союз *како* также встречается в причинном значении в древнерусском² (4)–(5) и в старорусском (6) языке:

- (4) *а хто буде(т) со мною не бы(л) на рати. а оу кого буде(т) что взато. а приѣду(т) к тебе. а ты(м) ти также отдати по исправѣ. а ка(к) есми ста(л) по(д) городо(м) по(д) тфѣрю до семена дни за мѣса(ц). что буде(ш) оу мене вз(л) воинои в то(т) мѣсаць тому всему межи на(с) по(г)ребѣ. а ка(к) еси к на(м) сложи(л) целова(н)е. а что мы оу тебе поимали и повоевали. а тому всему межи на(с) погре(б).* [НКРЯ: Д-р кн. Дмитрия Ивановича и Новг. с кн. Михаилом Александровичем. 1376]

- (5) *а кто коупилъ боудеть в новгородьской волости. знати имъ своѣго истьца. или не боудеть истьца. како не вѣдають исть-*

² Мы усматриваем также причинный оттенок в НГ 531 (XIII; *како еси возложило пороукоу на мою сестроу и на дочерь еи не азовало еси сътроу мою коровоу и дочере бладею] а нынеца ѳеѡ прѣхаво оуслышаво то слово и выгондо сетроу мою и хотело потати*), которая, однако, допускает неоднозначную трактовку. В ДНД дается перевод *после того как*, что, на наш взгляд, не отражает явной причинно-следственной связи между публичным оскорблением сестры автора и последующими действиями мужа этой сестры. В силу этого, мы усматриваем здесь совмещение причинного и временного значений.

ца своего. цѣловавъ юмоу кр(с)тъ коуны юмоу взати оу новгорода. колько боудеть даль. а земля поидеть к новоугородоу [НКРЯ: Д-р кн. Михаила Ярославича с Новг. о мире. 1317]

(6) *И мы, как есть государи крестьянские, толмача твоего Аврама смертью казнити не велели есмь...* (Грамм. Иоанна Гр. 1574. Цит. по [Булаховский 1958: 371]).

В (4) случае речь идет о причине отказа вернуть ценности, полученные в результате военных действий: «поскольку ты отказался от клятвенных обязательств перед нами, то всё, что мы у тебя взяли и отняли военными действиями, это всё мы забудем»; пример (5) описывает отказ от сделки; клауза с *како* причины идет сразу за условным «если же не окажется истца, [то] так как он не знает, где истец, ему надлежит, принеся клятву, взять деньги (за сделку) у Новгорода, столько, сколько окажется, что он давал (при покупке), а земля будет передана Новгороду».

Однако конкретные этапы развития данных конструкций в работах не фиксируются. Настоящее исследование, таким образом, призвано ответить на следующие вопросы:

- На каком этапе возникает употребление *как* в причинно-ролевом значении?
- Какое значение *како* служит первоисточником для развития значения причины? Или употребление в контекстах причины — это результат полифункциональности *како*?

Исследование основывается на анализе рукописей XI–XV вв. (Приложение 1), рандомизированных выборках из НКРЯ и примеров из словарей. Мы рассматриваем перечисленные выше конструкции в ходе языковой эволюции, используя методологию диахронических синтаксических исследований, предложенную в [Hilpert, Gries 2009; Diessel, Hilpert 2016]. Данный подход предполагает анализ релевантных конструкций в ограниченных выборках, относящихся к разным временным периодам. Важно, что целью является не столько зафиксировать наличие той или иной конструкции, сколько проследить динамику ее развития (уменьшение или увеличение частотности) в некоторый период эволюции языка.

2. Развитие значений показателя *как* в ходе эволюции русского языка

2.1. Функции подчинительного союза *как* в современном русском языке

Морфологически простой союз *как* — самый многозначный подчинительный союз в СРЯ. В грамматиках и словарях у него выделяются следующие значения (или употребления):

- 1) изъяснительное: *Он вспомнил, как она даже не посмотрела на его подарок;*
- 2) времени: *Как стемнело, пошел дождь;*
- 3) сравнения: *Мы шли, как ходят по скользкому льду;*
- 4) причины (см. далее);
- 5) роли/функции: *Он сейчас работает как терапевт. Он использовал эту открытку как закладку*³.

В чем причина столь широкой полисемии?

Как писал Л.П. Якубинский [1953: 266], русские подчинительные союзы — «это в большинстве вчерашние местоимения или местоименные наречия». Источник, из которого развился союз *как* — вопросительное местоименное наречие образа действия [РГ: 149]. Н.Ю. Шведова характеризовала местоимение *как* как «едва ли не самое сложное по своему смысловому строению и обусловленному этим строением кругу функций» и выделила у него 14 семантических функций [Шведова 1998: 139 и далее]. Иными словами, это наречие соотносится с широким спектром возможных семантических типов переменных при предикате *Р* вопроса *Как Р?*:

- 1) обстоятельствственных:
 - а) «образ действия» в узком смысле — признак (параметр) действия, состояния и т. п., напр., *Как он плыл? — Быстро (Стилем брасс и т. п.); Как он болел? — Тяжело.* (Это центр семантической зоны, покрываемой вопросительным местоимением *как*, поскольку другие вопросительные местоимения не могут выражать вопрос о признаке действия);
 - б) «состав ситуации» [Филипенко 2003], напр., *Как ты провел лето? Как варят борщ?* и т. п. (Ответом может быть целый рассказ, инструкция);
 - в) причина, напр., *Как такое могло случиться?* (В ответ приводятся обстоятельства, послужившие причиной известной ситуации);

³ В словаре [ОСРЯ 2003] выделено также значение условия, но в единственном приведенном примере *Как начнет читать, от книги его не оторвешь, пока не прочтает всю* на деле представлено временное значение союза *как*. В СРЯ союз *как* не используется как условный, хотя еще в начале XIX в. мог употребляться в такой функции, ср. пример: *А уж как смешон человек, так в люди нельзя показаться.* (Крылов, Модн. лавка, I, 9. С. 102.), приведенный в [Виноградов, Шведова 1964], где отмечается разговорный оттенок *как* в условном значении.

г) условие Как этому научиться? — Чаше упражняться (Ответом служит условие осуществления ситуации);

2) актантных, напр.: Как тебя зовут? — Иван.

Семантика переменной в *как*-вопросах зависит от контекста аналогично *какой*-вопросам [Рахилина 1990].

Такая широта семантической зоны исходного местоимения объясняет многозначность образовавшегося от него союза, наблюдаемую в истории русского языка. Употребление союза *как* в причинном значении в принципе не удивительно, коль скоро обстоятельство причины входит в «семантическое пространство» местоимения *как* [Шведова 1998: 148].

Как отмечалось во введении, в кодифицированном литературном языке союз *как* выступает в причинном значении только в нефинитных малых клаузах. При этом, вопреки утверждаемому в РГ, формальное обособление союзного оборота, как в (2), не является необходимым условием для реализации причинного значения, ср.:

(7) Его выгнали **как** бездельника. [ОСРЯ 2003]

(8) ...он [Набоков] выбирает только то, что подтверждает его писательские взгляды; все остальное отбрасывается **как** не заслуживающее внимания. [НКРЯ: Вступление Ив. Толстого к «В. Набоков. Две лекции по литературе»]

Кроме того, в просторечии (и его отражении в художественных текстах) союз *как* в причинном значении может вводить финитную клаузу с именным предикатом и со связкой *быть* (3).

2.2. Полифункциональность и многозначность *как(о)* в истории русского языка

В древнерусском и старорусском языке область значений вопросительной переменной в исходной для *како* функции вопросительного слова была еще шире, чем у современного *как*. В нее дополнительно входили:

- свойства абстрактных объектов:

(9) И рече Володимеръ: «**како** естъ вѣра ваша» (т. е. «**Какова** ваша вера?») [ПВЛ (986)]

- время:

(10) Есть ми, господине, отъ твоего государя до тебя речи наѣдине, и ты, господине, **какъ** велишь у себя быти? [Крым. д. II, 1516 г., пример из [СлРЯ: 7: 27] на временное значение *како*: «когда велишь, чтобы я у тебя был»].

В обстоятельственных предложениях у союза *как(о)* помимо значений, представленных в СРЯ (см. раздел 1), засвидетельствовано значение цели, см. [СлРЯ 1980: 28], не представленное среди значений вопросительного *как(о)*, однако это значение реализуется только в контекстах косвенной модальности.

В контексте нашего исследования важно, что при помощи вопросительно-относительного *како* оформлялись вопросы о причине, см. (11): «когда его спросили, почему ничего не оставил себе». Такая интерпретация косвенного вопроса подтверждается наличием однозначно причинного союза *бо* в прямом ответе на вопрос («потому что мое тело не может их [дары и украшения] носить»):

(11) **и се вземъ разда на дружинѣ. въпрашаемъ же, како не остави себѣ ничтоже, рече мое бо тѣло не можетъ то(гъ) понести** [НКРЯ. Пчела, не позже XIII в.]

Самый ранний найденный нами пример с *како* в обстоятельственных предложениях причины относится к сер. XII в.:

(12) **какъ ты за мною творишь коун[о](у)... за вѣноухъцью ти: ѳ: коунъ показалъ ти данило ем... възьми жь на нь вѣ треть а азъ ти с[ъ з]–[на]... внь дѣвь гривнѣ.** [НГ 1087. Сер. XII]

В статье [Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017] этот пример переводится, как «Так как ты считаешь, что за мной куна (и столько-то гривен), а за внуком [моим] 9 кун — [так] показал Данило, ... возьми же на него (внука) в треть (= по ставке в 33 %, то есть с увеличением на треть). А я ... две гривны.»

Каким образом возникает значение причины у *како*?

2.3. Возможные сценарии развития значения причины у *како*

Гипотеза 1. В целом ряде языков наблюдается совмещение сравнительного и причинного значений. В ряде европейских языков, как и в русском, причинные союзы могут кодироваться тем же словом, что и союзы сравнения, ср. фр. *comme*, англ. *as*, что показывает случайность такого объединения значений. А.А. Потенбня так объяснял близость сравнительного и причинно-следственного значений в связи с метонимией в выражениях типа *пьяное вино*: «Первоначальное возникновение вышеупомянутых выражений... может быть отнесено к тому глубоко древнему состоянию мысли, при коем отношение причины и следствия возникает (между прочим) из отношения сходства, так что сходство является лишь видоизмененным подобием причины» [Потенбня 1968: 396–397]. А Л. Якубинский развивает эту мысль уже применительно к полисемии союза *как*: «...столь же несомненно, что отношения “сходства” и “подобия”

осмыслялись как “причинные”, знаменательные, “неслучайные”, как бы ни были они случайны объективно» [Якубинский 1953: 258]. Действительно, значение сравнения может сопутствовать причине, ср.:

- (13) *Но как состояния областей много разнятся, так и правительства оные избираются смешанные из двух или всех трех по части.* [НКРЯ: В.Н. Татищев. Произвольное и согласное разсуждение... шляхетства руского... 1730–1735]

Здесь сравнение разнообразия обстановки в областях одновременно служит основанием для определенной политики; можно было бы перевести *как* с помощью сочетаний *в соответствии с, согласно*.

Однако изложенной выше гипотезе противоречит тот факт, что *како* стал союзом, выражающим отношение сходства (в отличие от тождества) только в старорусском языке [Руднев 2020: 399], а в древнерусском языке, начиная с самых ранних памятников оно выражалось союзом *акы* (> *аки*). Причинное же значение появляется у *как(о)* уже в XII в. Только в XIV в. союз *как(о)* стал употребляться для выражения отношения тождества по некоторому параметру, обычно не называемому, но ясному из контекста. В русской грамматической традиции не принято делить значение сравнения на два подзначения: тождества и сходства (подобия) по той причине, что часто они кодируются одинаковыми средствами: союзом *акы* в древнерусском, союзами *аки* и *како* в старорусском и союзом *как* в СРЯ. Однако в типологии такое деление проводится [Treis 2018], поскольку в целом ряде языков эти два значения кодируются по-разному. Соответственно, выделяются эквативы (показатели тождества) и симилятивы (показатели сходства). Заметим, что в старорусском языке и в СРЯ в качестве маркированного экватива выступает коррелятивная конструкция *такой / так(о) (же) Р, как(о) Q*, а одиночный *как(о)* интерпретируется как экватив или симилятив в зависимости от контекста. При этом *как(о)* раньше начинает появляться в эквативных контекстах с имплицитным параметром сравнения, и много позже — в симилятивных (см. [Kobozeva, Serdobolskaya 2021]). Обратим внимание на то, что симилятивное значение близко к значению образа действия, выражаемого придаточным с относительным *как(о)*, ср. *Она танцует, как ее научила мать* (образ действия) и *Она танцует, как когда-то танцевала ее мать* (симилятив).

Гипотеза 2. В работах типологов по грамматикализации обсуждается переход подчинительных средств, кодирующих временные отношения, в союзы причины (см. *temporal* > *cause* в [Heine, Kuteva 2002: 291]). Данный переход возможен как у нейтральных временных

союзов типа *when* ‘когда’, так и у маркеров со специализированным значением, например *since* ‘с (о времени)’; ср. сноску 4 о совмещении значений времени и причины у *како*.

Действительно, временное значение у *как(о)* широко представлено в древнерусском языке уже в XI в.:

(14) **КАКО ТЫ ОУ МЕНЕ И ЧЪСТЪНОЕ ДРЪВО ВЪЗЪМЪ И БЕВЕРИЦЬ МИ НЕ ПРИСЪЛЪШИ ТО ДЕВАТОЕ ЛЕТО...** [НГ 246. Сер. XI в.], —

тогда как самые ранние примеры причинного значения относятся к середине XII в. (12). Однако временное значение не является основным для *как(о)*. Помимо этого союза имелось много собственно временных союзов, кодирующих различные временные отношения (*когда*, *дондеже*, *коли*, *докаместа* и др.). Основным для *како* является значение образа действия, или способа.

Гипотеза 3. В [Kortmann 1997] в качестве одного из возможных сценариев рассматривается переход маркеров образа действия, или способа (*manner*), в маркеры причины, см. схему на Рис. 1.

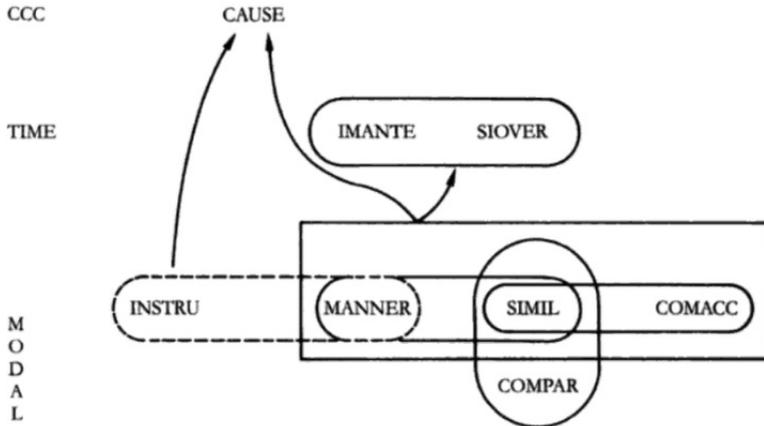

Рис. 1. Источники маркеров со значением причины [Kortmann 1997].

В схеме один из путей ведет от кластера «инструмент — способ — подобие — комментарий», центральное место в котором занимает маркер способа, к маркеру причины; другой вариант — от кластера «способ — подобие — комментарий» к причине.

Гипотеза 4. Мы предполагаем, что причинное значение у *как(о)* возникает на базе вопросительного местоимения *како*, уже употребившегося в причинном значении, точно так же, как временное значение этого союза возникло на базе временного значения вопросительного *как(о)*, то есть в соответствии с типологическим обобщением «от вопроса к подчинительному союзу» (“from question to

subordination”) [Heine, Kuteva 2006: 204–243]. Наша гипотеза близка к точке зрения Т.П. Ломтева, который писал: «На позицию придаточного причины могли передвигаться предложения, которые выражали вопрос по признаку образа действия... Они принимали на себя функцию причины действия, выраженного глаголом другого предложения...» — и иллюстрировал это на примере союза *яко* [Ломтев 1956: 512–513]. Отличие состоит в том, что с нашей точки зрения на позицию придаточного причины «передвигаются» предложения, которые уже сами по себе выражают вопрос о причине, а сдвиг от значения способа / образа действия (исходного для местоименных наречий *яко* и *как(о)*) к значению причины состоялся еще в рамках простого независимого вопросительного предложения, см. схему 1.

- Т.П. Ломтев, Б. Кортман
 вопросительное наречие способа → союз способа → причинный союз
- наше предположение
 вопросительное наречие способа → вопросительное наречие причины → причинный союз

Схема 1. Сценарии грамматикализации значения причины

Предлагаемый нами сценарий представляется более естественным. Его второй этап соответствует широко представленному в языках мира переходу вопросительных местоимений, выражающих вопрос об *X*, в союзы, выражающие отношение *X* (вопрос о времени — временной союз, вопрос о причине — причинный союз). При этом первый этап — семантический сдвиг в рамках вопросительного местоимения ‘способ/инструмент > причина’ объясняется действием когнитивного механизма концептуальной метафоры: как действие определенным способом с применением определенного инструмента приводит к возникновению определенного результата, так событие-причина приводит к возникновению события-следствия, иными словами, причина события — это способ, которым оно было вызвано.

3. Эволюция конструкций с *как(о)*, выражающих значение причины

В настоящем разделе мы исследуем эволюцию различных конструкций с *како* в значении причины. Исследование основано на ручной разметке примеров из рукописей и опубликованных древ-

нерусских текстов (см. Список источников), а также рандомизированных выборок из НКРЯ.

В целом анализ данных показал, что значение причины до XVIII в. встречается довольно редко. В выборке из текстов XI–XVI вв. примеры причины единичны и зачастую допускают также другие трактовки, например временную интерпретацию, см. сноску 4 выше. Из 200 случайно взятых корпусных примеров XVII в. лишь три примера причины, причем один из них неоднозначен. Однако в дальнейшем количество примеров со значением причины возрастает, ср. данные табл. 1. В силу этого мы провели более детальное исследование данных XVIII–XX вв. Как известно, употребление *как* в придаточных предложениях причины воспринимается как архаичное уже в XIX в. (см. цитату из «Записок» Д.Н. Свербеева, приведенную в [Виноградов 1947: 719], где причинный союз *как* назван «вышедшим из употребления»), поэтому выборку примеров XX в. мы ограничили документами, принадлежащими к первой трети века.

Таблица 1

Количество конструкций причины с *как(о)* и *так как* в рандомизированных выборках XVIII–XX вв.

Процент	Всего предложений в выборке	Как в значении причины	Процент от общего числа, %	Так как
Первая половина XVIII в.	403	14	3,5	1
Вторая половина XVIII в.	370	28	7,6	3
Первая половина XIX в.	443	27	6	15
Вторая половина XIX в.	487	12	2	16
Первая треть XX в.	415	16	3,9	13

Следует уточнить, что сочетание *так как*, по-видимому, грамматикализовалось в самостоятельный союз причины ранее рассматриваемого периода и, безусловно, требует отдельного исследования. По нашим данным, к XVIII в. данное сочетание уже закрепились именно с таким порядком следования частей и допускает собственный коррелят:

(15) Но *так как* в ту зиму, в которую он ходил стрелять, отморозил он себе обе ноги..., *то* и здесь не был принят, получил несколько лозонов и был прогнан. [НКРЯ: М.В. Ломоносов. Письмо М.И. Воронцову. 1763.02.05]

Подробное исследование *так как* выходит за рамки настоящей работы; мы, однако, приводим данные об употреблении *так как* в

релевантный для нас временной период, т. к. для нас важно показать взаимовлияние данных конструкций. В частности, из таблицы 1 видно, что рост количества *так как* происходит ровно в то же время, когда начинается уменьшение количества конструкций с *как* причины (начало XIX в.).

Как показывает таблица 1, наибольший процент *как* в значении причины (из общего числа *как* в выборке) фиксируется во второй половине XVIII в. — первой половине XIX в. Мы использовали немного более широкую выборку — с начала XVIII в. до конца первой трети XX в., чтобы проследить, как меняется употребительность различных конструкций причины и какие значения и конструкции исчезают/появляются в первую очередь.

Все конструкции с причинным *как* и *так как* были (довольно условно) разделены на следующие четыре типа:

- причинно-ролевое *как*:

(16) *Девки... непрестанно взглядывают на улицу;... всякая из них старается занять место ближе к окошку, как самое лучшее и способное; ибо мимопроходящие мужчины всегда ей первой делают любовный взгляд.* [НКРЯ: М.В. Ломоносов. 1748]

Конструкции роли без причинного оттенка (см. обсуждение примера (2)) отфильтровывались вручную.

- *как* с финитной клаузой и коррелятом в главной клаузе (соотносительным местоимением в главной клаузе — чаще всего это *то*; возможно также *так* и другие корреляты — *тогда*, *по сему*, *по тому*, *следовательно* и др.):

(17) *...если б они говорили о чем-нибудь серьезном и задушевном, то прибежали бы к русскому языку, но как подобных разговоров здесь не ведется, то обходятся посредством французского.* [НКРЯ: И.С. Аксаков. Письма родным. 1849–1856]

(18) *...как они обнадежены были великим награждением из взятых деревень и денег за штрафы с утаивших, так они более о розысках, следствиях и собирании штрафов, нежели о сусчем числе людей, прилежали...* [М.В. Ломоносов. Проект... к... дню восшествия на всероссийский престол. 1752]

- *как* с финитной клаузой без коррелята:

(19) *Великий князь поднял его, посадил в кресла, и как в нем были еще знаки жизни, приказал бережно отнести домой, в квартиру его в 1-й линии.* [НКРЯ: Н.И. Греч. Записки о моей жизни. 1849–1856]

Выше приведены примеры *как* из XIX, так и из XVIII в. Распределение конструкций по временным периодам показано на рис. 1 (процентные соотношения по вертикали отражают отношение

числа примеров с данной конструкцией к общему числу конструкций причины с *как*).

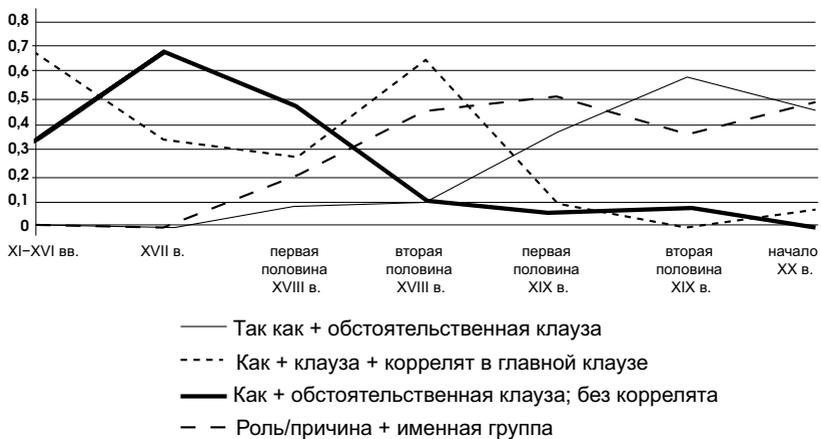

Рис. 2. Распределение конструкций со значением причины в ходе эволюции языка.

Можно видеть, что конструкции с *како* причины и финитной клаузой были распространены еще в XVIII в., а затем их употребление снижается и постепенно идет на спад. Конкретное распределение до этого времени, однако, не является информативным, так как представлено единичными примерами. Как известно, для СРЯ данные конструкции нехарактерны. Наоборот, конструкции с именными группами и нефинитными клаузами расширяют свое употребление к XVIII в. и сохраняются в СРЯ. Рис. 2 показывает, что период роста конструкций с *так как* совпадает с периодом уменьшения конструкций с *как* и финитной клаузой. Далее мы предложим объяснение данному факту.

Для обстоятельственных предложений с *как* важен такой параметр, как позиция относительно главной клаузы. Судя по имеющимся примерам, конструкции с коррелятами строго требуют препозиции обстоятельственной клаузы, как в (17) и (18): в нашей выборке (см. таблицу 2 ниже) нет ни одного примера постпозиции (или интерпозиции) придаточного. По-видимому, это связано с первичной анафорической функцией коррелятов в таких конструкциях.

Между тем, *как* без коррелята и сочетание *так как* свободно допускают как препозицию, так и постпозицию обстоятельного предложения; последние также встречаются в интерпозиции. Это служит еще одним свидетельством того, что *так как* уже в начале

XVIII в. переосмысливается как единый союз, а не как свободное сочетание с коррелятом.

Таблица 2

Позиция зависимой клаузы с *как* относительно главной клаузы.

Конструкция как причины + финитная клауза	как + коррелят	как без коррелята	так как	Общий итог
1700–1750				
постпозиция	0	4	0	4
препозиция	2	1	1	4
1751–1800				
постпозиция	0	1	2	3
препозиция	25	2	1	28
1800–1850				
интерпозиция	0	0	1	1
постпозиция	0	0	6	6
препозиция	5	2	8	15
1851–1900				
постпозиция	0	1	8	9
препозиция	0	1	8	9
1901–1930				
постпозиция	0	0	12	12
препозиция	2	0	1	3

Уточним, что мы не выявили семантических различий между причинным *как(о)* + финитная клауза с коррелятом и без него, поэтому далее мы в основном описываем данные конструкции вместе. Примеры без коррелята начиная с XVIII в. немногочисленны и в большинстве своем допускают двоякую интерпретацию (не только причинную, но также временную (сноска 4) или сравнительную (13)).

Относительно конструкции с составным *так как*, экспансия которой наблюдается начиная с конца XVIII в., В.В. Виноградов [1947: 719] пишет, что до 40–50-х гг. XIX века этот союз принадлежал прозе официально-делового стиля. Действительно, даже приблизительные подсчеты показывают, что в целом причинное значение *как* намного более частотно в официальных документах, нежели в общей выборке без разделения по жанрам и стилям: в документах XVII в. оба бесспорных примера причинного *как* принадлежат деловой сфере. В XVIII в. *как* со значением причины более чем в два раза

частотно в официальных документах, а в XIX в. в три раза (более точные цифры: в текстах XVIII в. из произвольно выбранных 100 употреблений имеется 16 % примеров с *как* причины в официальных документах и 6,5 % в общей выборке; в текстах XIX в. это соотношение составляет 27 % к 7,5 %).

Учитывая, что рост числа конструкций с *так как* наблюдается строго в период снижения употребительности конструкций «*как + коррелят*», кажется допустимым, что конструкция с *так как* является «наследником» конструкций «*как + коррелят* в главной клаузе». До XIX в. конструкция «*как + финитная клауза*» употреблялась в значении причины и с различными коррелятами (*так, то, по сему, по тому* и т. п.), и без коррелята. В начале XIX в. конструкция «*как + финитная клауза*» начинает терять употребительность; параллельно наблюдается рост числа *так как*. Данный комплекс к этому моменту уже грамматикализовался в качестве составного союза, так как уже в XVIII в. он может иметь плеонастический коррелят *то* (15) и допускает постпозицию (и интерпозицию) по отношению к главной клаузе. Это говорит о том, что на тот момент уже происходит типичный для грамматикализации союзов и союзных сочетаний реанализ (в терминах [Lehmann 2015]): *так* переосмысливается не как коррелят, а как часть союза. Параллельно с экспансией *так как* в значении причины употребление *как* с другими коррелятами снижается и полностью утрачивается в XX в.

Интересна история причинно-ролевой конструкции, которая сохранилась и в СРЯ. Данная конструкция начинает расширять свое употребление к XVIII в. До этого периода в таких случаях активно употребляется *аки*⁴:

- (20) *Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси, сію бо хвалять Русіе сынове, аки началницю...* [ПВЛ (969)]
- (21) *...наутрѣ же нальзоша Тугтороканя мрътва, и взя и Святополкъ аки тестя своего и врага.* [Воскр. (1096)]
- (22) *...а гостя твоего отслали быхом отсюду аки бездѣлна и бесчѣстна, понеже невѣжда бѣ и поселянинъ...* [НКРЯ: Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского. 1417–1418]

Важно отметить, что такое значение отмечается у *аки* в сочетаниях с существительными (20) – (21), прилагательными (22) и причастиями (25) ниже, но не с финитным глаголом. Большинство найденных в корпусе примеров включают обороты, напоминающие т. н. малые клаузы — т. е. не содержат собственный субъект, а лишь

⁴ Как и *како* в (12), *аки* в таких случаях может кодировать значение роли («в качестве»), без оттенка причины.

именной предикат с его зависимыми (*началницю, тестя своего и врага, бездѣлна и бесчѣстна*), который получает падеж от финитного глагола (*хвалятъ* в (20), *взя* в (21), *отслали быхом* в (22)).

В Изборнике 1076 г. и в других переводных памятниках находятя аналогичные примеры со связкой:

(23) Стѣиѣхъ оугождѣшииѣхъ гоу моли акы помостыныкы соушта и застоупники притѣкаюштиимъ къ нимъ... [НКРЯ: Изб.]

(24) оуповахомъ пребыти ѡ свободѣ, акы безъгрѣшни сѣце прѣ(д) бгомъ... [НКРЯ: История Иудейской войны Иосифа Флавия. Не позже сер. XIII]

Единичные примеры такого типа встречаются и в оригинальных текстах:

(25) Се же глаголаше къ мнихом поселянинъ онъ, глаголемый земледѣлецъ, и въ правду рещи поселянинъ, акы невѣжа сый и не смотряй внутринама очима, но внѣшними, не вѣдый книжнаго писаниа... [НКРЯ: Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского. 1417–1418]

Важно уточнить, что связка в таких сочетаниях выступает в нефинитных формах. Таким образом, можно заключить, что *акы* в значении причины встречается преимущественно в так называемых малых клаузах, т. е. клаузах, где отсутствует субъект в именительном падеже, а содержится именной предикат без связки, или, если имеется связка, то она выступает в форме причастия, как в (23) — (25). Различные варианты запросов в древнерусском, старорусском корпусе и текстах XVIII в. в основном корпусе с сочетанием «*акы/акы* + существительное / прилагательное / причастие + связка» дают лишь небольшое количество примеров, и все они, согласно нашей интерпретации, не имеют оттенка причины.

Как известно, *акы* становится менее употребительным и полностью утрачивается в языке XVIII в.; на рис. 1 показано, что этот период как раз совпадает с периодом экспансии причинно-ролевой конструкции с *как(о)*. В нашей выборке *как(о)* в конструкции роли не встречается до XVIII в., однако такие примеры находятся в источниках (6). В XVIII в. наблюдается рост числа таких примеров. Соответственно, можно заключить, что причинно-ролевая конструкция с *како* «наследует» *акы*, однако в отличие от *акы*, конструкция с *како* допускает связку в финитной форме (6).

Согласно [Kobozeva, Serdobolskaya 2021], в XVI в. начинается рост употребления *како* в сравнительных конструкциях в функции маркера симилиатива при именных группах. Причинно-ролевая конструкция закрепляется значительно позже, в XVIII в. В силу этого мы не связываем употребление *како* в данной конструкции с его

распространением в контексте симилиатива. Скорее это произошло в XVIII в. в силу общей экспансии *како* на контексты, которые ранее обслуживались *аки*. Одним из важных факторов является изменение синтаксических свойств *како*: до XVII в. он практически не использовался при именных группах, однако в XVII в. он начинает вводить именные группы и малые клаузы. В силу этого происходит экспансия *како* на причинно-ролевые контексты и замена *аки* в этих контекстах. Можно предположить, что такое развитие было усилено расширением конструкции «*как(о)* причины + коррелят», которое приходится как раз на этот временной период.

Заключение

Мы предполагаем, что причинный союз *как(о)* развился из вопросительного наречия *как(о)* со значением причины, которое, в свою очередь, возникло из значения способа (= образа действия) в результате концептуальной метафоры: причина события — это способ, которым оно было вызвано.

Как(о) употребляется в функции союза со значением причины еще в ранних источниках начиная с XII в.; до XVIII в. он вводит зависимые финитные клаузы причины с коррелятом в главной клаузе или без него. В XVIII в. конструкции без коррелята теряют употребительность; выбор коррелятов достаточно широк и включает как однословные дейктики (*то, так*), так и сочетания слов (*по тому, по сему*) и наречия (*следовательно*). Уже в этот период *так как* употребляется как единый составной союз, который, в свою очередь, может иметь коррелят в главной клаузе. В начале XX в. конструкция с составным союзом *так как* закрепляется в качестве единственной конструкции причины с *как*.

Причинно-ролевая конструкция с синтаксической структурой «*как* + малая клауза» имеет другую историю. По-видимому, она является результатом экспансии *как(о)* на контексты, которые в XI–XVII вв. обслуживались *аки* в ходе развития у *как(о)* употребления с именными группами. Рост числа причинно-ролевых конструкций с *как* наблюдается в XVIII в., параллельно с постепенной утратой *аки*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Из издания «Полное собрание русских летописей», СПб: Типография Эдуарда Праца, 1841 и след. гг.:
2. ПВЛ: Повесть временных лет. XI–XII вв. Лаврентьевский список.
3. Сузд: Суздальская летопись. XII–XIV вв. Лаврентьевский список.
4. НПЛ: Новгородская I летопись по Синодальному списку. XIII–XIV вв.
5. Воскр: Воскресенская летопись. XVI в.
6. (В примерах указан в скобках год событий в летописи.)

7. НГ: Новгородские грамоты, <http://gramoty.ru/birchbark/>
8. Из коллекции <http://lib.pushkinskiydom.ru/>
9. Изб: Изборник. 1076
10. Русская правда. XIV.
11. Жития святых. XII–XIV.
12. Хожение за три моря Афанасия Никитина. Под ред. Лурье Я.С., Семёнова Л.С. Изд-е 3. Л.: Наука, 1986.
13. Повесть о болезни и смерти Василия III. Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М.: Худож. лит., 1985.
14. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html (дата обращения 01.01.2022–01.10.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борковский В.И.* Синтаксис древнерусских грамот. Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М., 1958.
2. *Булаховский Л.А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
4. *Виноградов В.В., Шведова Н.Ю.* (отв. ред.). Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX века. М., 1964.
5. *Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Торопова Е.В.* Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания, 2017. № 4. С. 7–24.
6. ДНД — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. Второе изд-е, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
7. *Истрина Е.С.* Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. ПГ., 1923.
8. *Кобозева И.М., Инькова О.Ю.* «Как» и его двухместные варианты // Семантика коннекторов: контрастивное исследование / Под ред. О.Ю. Иньковой. М., 2018. С. 169–239.
9. *Ломтев Т.П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка: учеб. пособие для гос. ун-тов. М., 1956.
10. ОСРЯ — Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные связочные глаголы. Под ред. В.В. Морковкина. Изд-е 2-е, испр. М., 2003.
11. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Том III: Об изменении значения и заменах существительного. М., 1968.
12. *Прияткина А.Ф.* Конструкция с союзом «как» в простом предложении современного русского языка // Русский язык в школе. 1957. № 6. С. 47–52.
13. *Рахилина Е.В.* Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München, 1990.
14. РГ — *Шведова Н.Ю.* (ред.). Русская грамматика. Т. I–II. М., 1980.
15. *Руднев Д.В.* Сложное предложение // Историческая грамматика русского языка / Под ред. В.Б. Крысько. М., 2020.
16. *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати. М., 1970.
17. СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII в. М., 1975.
18. *Стеценко А.Н.* Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.
19. *Шведова Н.Ю.* Местоимение и смысл. М., 1998.

20. Якубинский Л.П. История русского языка. М., 1953.
21. Heine B., Kuteva T. The Changing Languages of Europe. Oxford, 2006.
22. Kobozeva I., Serdobolskaya N. Diachronic evolution of Russian standard markers *kako* and *aky*. Linguistic Typology at the Crossroads, Bologna, Italy, v. 1, n. 1, p. 257–287, 2021. <https://typologyatcrossroads.unibo.it/article/view/13431>.
23. Lehmann C. Thoughts on grammaticalization. 3d edition. Language Science Press, 2015.
24. Serdobolskaya N., Kobozeva I. Diachronic evolution of the subordinator *kak* in Russian. Linguistics. In press.

REFERENCES

1. Borkovskii V.I. *Sintaksis drevnerusskikh gramot* [Old Russian charters syntax]. Akad. nauk SSSR. In-t yazykoznaniiya. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958.
2. Bulakhovskii L.A. *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical comments to Standard Russian]. Kiev: Radyanska shkola, 1958.
3. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk. (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian (Grammatical study of words)]. M.; L.: Gos. ucheb.-ped. izd-vo, 1947.
4. Vinogradov V.V., Shvedova N.Yu. (eds.). *Izmeneniya v storye slozhnopodchinennogo predlozheniya v russkom literaturnom yazyke XIX veka* [Changes in the syntax of subordinate clauses in the XIX century Russian literary language]. Moscow: Nauka, 1964.
5. Gippius A.A., Zaliznyak A.A., Toropova E.V. Berestyanye gramoty iz raskopok 2016 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe // *Voprosy yazykoznaniiya*, 2017, № 4. P. 7–24.
6. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt. Vtoroe izdanie, pererabotannoe s uchedom materiala nakhodok 1995–2003 gg.* [Old Novgorod dialect. Second edition taking into account the material of findings of 1995–2003.]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004.
7. Istrina E.S. *Sintaksicheskie yavleniya Sinodal'nogo spiska 1-i Novgorodskoi letopisi* [Syntactic facts from the Synod Manuscript of the First Novgorod chronicle]. PG., 1923.
8. Kobozeva I.M., In'kova O.Yu. «Kak» i ego dvukhmestnye varianty [“Kak” and its two-valent variants] // O.Yu. In'kova (ed) *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* [Semantic of clause linkers: a contrastive study]. M.: TORUS PRESS, 2018. P. 169–239.
9. Lomtev T.P. *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka: ucheb. posobie dlya gos. un-tov* [Essays on the Historical syntax of Russian: A manual for high schools]. M.: Izd-vo MGU, 1956.
10. OSRYa 2003 — *Ob'yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka: Strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly* [An explanatory dictionary of Russian: Structural words: prepositions, conjunctions, interjections, parentheticals, pronouns, numerals, copulas]. Pod red. V.V. Morkovkina. Izd-e 2, ispr. M.: GIRYa im. A.S. Pushkina, 2003.
11. Potebnya A.A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From essays on Russian grammar]. Vol. III: *Ob izmenenii znacheniya i zamenakh sushchestvitel'nogo* [On change in meaning and replacement of nouns]. M.: Prosveshchenie, 1968.
12. Priyatkina A.F. *Konstruktsiya s soyuzom “kak” v prostom predlozhenii sovremenno go russkogo yazyka* [A construction with the conjunction “kak” in Modern Russian simple clauses] // *Russkii yazyk v shkole*. 1957. № 6. P. 47–52.
13. Rakhilina E.V. *Semantika ili sintaksis? (K analizu chastnykh voprosov v russkom yazyke)* [Semantics or syntax? (On an analysis of constituent questions in Russian)]. München: Sagner, 1990.

14. RG — Shvedova N.Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. T. I-II. M.: Nauka, 1980.
15. Rudnev D.V. Slozhnoe predlozhenie [Complex sentence] // V. B. Krys'ko (ed.) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of Russian]. M.: ITs Azbukovnik, 2020.
16. Rozental' D.E. *Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoi pravke dlya rabotnikov pechati* [A reference guide to standard orthography for the copy readers]. M.: Kniga, 1970.
17. SRYa — *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII v.* [A dictionary of the Russian language of 11th-17th centuries]. M.: Nauka, 1975: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>.
18. Stetsenko A.N. *Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka* [Historical syntax of Russian]. M.: Vysshaya shkola, 1972.
19. Shvedova N.Yu. *Mestoimenie i smysl* [Pronoun and sense]. M.: IRYa RAN, 1998.
20. Yakubinskii L.P. *Istoriya russkogo yazyka* [History of Russian]. M.: Uchpedgiz, 1953.
21. Heine B., Kuteva T. *The Changing Languages of Europe*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
22. Kobozeva I., Serdobolskaya N. Diachronic evolution of Russian standard markers *kako* and *aky*. *Linguistic Typology at the Crossroads*, Bologna, Italy, v. 1, n. 1, p. 257–287, 2021: <https://typologyatcrossroads.unibo.it/article/view/13431>.
23. Lehmann C. *Thoughts on grammaticalization*. 3d edition. Language Science Press, 2015.
24. Serdobolskaya N., Kobozeva I. Diachronic evolution of the subordinator *kak* in Russian. *Linguistics*. In press.

Поступила в редакцию 10.10.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 14.02.2023

Received 10.10.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 14.02.2023

ОБ АВТОРАХ

Ирина Михайловна Кобозева — доктор филологических наук, профессор кафедры ТиПЛ филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; kobozeva@list.ru

Наталья Вадимовна Сердобольская — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН; serdobolskaya@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Irina Kobozeva — Ph. D. Habil., Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kobozeva@list.ru

Natalia Serdobolskaya — Ph.D., Senior Researcher, Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; serdobolskaya@gmail.com